

28 МАРТ 42

Анна КАРАВАЕВА

Грядущий приговор

НА ПРЕМЬЕРЕ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ТЕАТРЕ
КРАСНОЙ АРМИИ

Перед зевакесом появляется артист в форме командира Красной Армии, кратко напоминая зрителям важнейшие моменты ее прославленной истории, подравляет всех с прядником ее 24-х годовщины, потом говорит о первых и бесстрашных помощниках Красной Армии — солдатских партизанах и, наконец, обливает: «А теперь мы представляем слово командира партизанского отряда товарища К.»

И весь зрителный зал, как ~~подлец~~ зевака, приходит в движение. Головы быстро обворачиваются в дверям, и во всех вглядях — яркая сияние. Лиды, только что застрочившиеся на театральное артизанство, мгновенно переключились в жизнь, в грязовую действительность великой отечественной войны.

Открывается дверь из фойе, в товарищ К. поклоняется между театральных кресел Среднего роста человек, в которой черной кожанке, короткими, с обиженным лицом. Его каштановых волосах скрывает седина. Следом за ним идут женщины, парни и несколько бородачей в прочных брезентовых пиджаках крестьянского покроя.

Командир партизанского отряда товарищ К. поднялся на мостки, соединившие зрителный зал со сценой, и только тогда затихли горячие выдохи зрителей, которых зрители приветствовали партизанским отрядом.

Но когда огни рампы осветили лица партизан, все увидели на них грим, обычный театральный грим.

Любко придумало, — сказал кто-то передник.

Кто это предумал, — авторы бр. Тур и Л. Шеленики или режиссер А. Попов, в данном случае роли не играет. Ха-

рактерно другое: мы, зрители, первые смыли это предумало. Все, что мы пережили и перечувствовали за эти огненные мгновения, всю раскаленную напряженность юношеской жизни мы привыкли воспринимать на сцене. Слово, жгет спектакльного горючего действует на нас то как напоминание, то как отголосок напоминающего, словного восторга битвы, то как боль неожиданной раны, и потому все следующие в театре появляют, потрясая артистами. Драмату же «этот приговор» в определенном виде в другом труде. Легко потому, что зритель необычайно чуток и зонирует с полусловом — он добавляет нужный полет даже там, где автор об этом не подумался. Трудно потому, что артист, советский человек, пережил и переживает себя: если можно для деда, перелива кровь нужно прознантии по всем правилам науки. Надо соединиться по телефону с бояринами, а телефонистка, может быть, уже снялась. И какая же радость созреть вдруг лицо Касаткина, когда он слышит в трубке вложенные голоса: ему приятно, что девушки-телефонистки еще на своем посту. «Молодцы, вот молодцы девки», — с неукротимой легкостью говорят они, и мы, зрители, в этот момент ясно читаем, что происходит в душе этого прекрасного человека.

Мы учитываем, что наше советское артистическое в для войны работает в самые строгие, но... основные законы искусства все же остаются в силе и сейчас удастся в находках в пьесе всегда бесподобно покорять. Где художественная гравя ее жизни, глубок и где она бледна и немощна. Например, колориты антические фигуры — человек в кепке из человека в одязе, которые появляются на сцене однажды, и то на несколько минут. Они куда более удачны, чем проходящие через всю пьесу фигура женщины партизана Антонини.

Невыразительны, сияют в одне пятно такие фигуры, как Зыбин, Цыборин, Дратин, старина, телефонист — пусть они, что называется, фоновые, но и они должны иметь душу-живу, как, например, старик в картире, роль которого талант и естественно ведет артист Ратомский. Но этого неудачи корреспондент «Нового». Вводя в действие эту фигуру, авторы пьесы отнеслись к ней, прямо скажем, без внимания. Корреспондент впадает в командир Якутовича вопросы один другого беспактнее и несет себя в как воинский человек, а как безнадежно тупой, закоренелый «интеллигент», который не понимает, что он должен делать и как обстоят дела его окружают.

Центр тяжести этой бояьды, правила, не в нем, а в командире Якутовиче, который влюблен в своих бойцов и все стремится расскрывать о них, а глупая корреспондент упорно желает слепить одного Якутова героям своего очерка. Поскольку корреспондент выступает в пьесе в единственном числе, он поневоле несет на себе всю тяжесть обобщений, и это очень неудачное обобщение: работа корреспондента в наше время — это своеобразное предание истории, подавленная в пьесе отсутствием боя, это почетная, в высшей степени уважаемая народом деятельность.

А тут же рядом — опять авторская удача: образ старика-колхозника Ефима Ильинова, который когда-то «носил на плече» помесчичью мальчишку Володю, теперь встречается с ним, как с «немецким холуем»: русский эмигрант-помесчик наряжен в форму фашистского офицера и пришел вместе с оккупантами «захватывать» и «искорять». Ефим, все остальные тоже кричат: «Я — Касаткин, я, я!». Такое самономертизма, такую волю к жизни и также беспартийность может иметь только народ-созиатель, верными связями которого являются тысячи таких Касаткиных. Несколько минут спустя, когда подоспевают на помощь части Красной Армии, приходит враг, майор Краинка, разыскивается. «Начиная по старшинству, — громко говорят Касаткин, «Кто майор Краинка?» Но никто среди обижшихся в кругу фашистов не выдается счасти своего собрата, а все отвечают от него, и вот он — весь тут, на виду, волк, призываемый к стоянке: «Увести их!» — и артист, оставляя зал, с а старик смотрит на него виновно, поднимая самой жаркой искаженности. «Не тот

стал мужик, не тот» — вдруг крикнутует немецкий холуй. Вместе с финистом-блондом он расстреливает, грабит, насилует, метет по Невскому проспекту, а фашистские убийцы умехаются за его спиной: дурак, воображает, что земля и всевозможные «принадлежности» ему! Группа немцев вообще скверноизвестна авторами: майор Краинка, генерал фон Герлах, кинооператор Борль, — у каждого из них разбойничий оголтелость выражается по-своему.

Киногромма под руководством Гильермовского кинооператора, которая должна показать «единение» германского комиования с «современным русским народом», — самое острое и умное место в пьесе.

Когда предатели в выродок Лисовский открылся фашистскому майору, что на киногромме присутствуют партизаны, немецкий разбазарил с бешеною язобой нарывается на советских бойцов, готовясь терзать их. «Начиная по старшинству, — кричится он и кричит, уж торжествуя: «Я — Касаткин! Выходи!» И в ответ несет: «Я — Я — Касаткин!» и вперед выходит Распашников, веселый Петя, скромный бухгалтер Шуя, все остальные тоже кричат: «Я — Касаткин, я, я!». Такое самономертизма, такую волю к жизни и также беспартийность может иметь только народ-созиатель, верными связями которого являются тысячи таких Касаткиных. Несколько минут спустя, когда подоспевают на помощь части Красной Армии, приходит враг, майор Краинка, разыскивается. «Начиная по старшинству, — громко говорят Касаткин, «Кто майор Краинка?» Но никто среди обижшихся в кругу фашистов не выдается счасти своего собрата, а все отвечают от него, и вот он — весь тут, на виду, волк, призываемый к стоянке: «Увести их!» — и артист, оставляя зал, с а старик смотрит на него виновно, поднимая самой жаркой искаженности. «Не тот

Свердловск.